

С самого детства Клара знала, что она некрасивая. Давно остались в прошлом слёзы и переживания по этому поводу. Давно, ещё в ранней юности, она решила, что раз так, то она посвятит всю свою жизнь учёбе, работе и детям. Ведь именно дети умеют видеть душой, а не как мужчины – глазами.

Она очень много читала, и именно в книгах все романтические истории о настоящей любви были поразительно красивы. Рыцари, на любого цвета конях, обязательно благородны, а прекрасные дамы непременно целомудренны.

И там же, в детстве, она услышала случайно разговор двух своих тёток об игравших во дворе детях. Разговор был ни о чём, так, просто бездумные фразы. Но одна из них больно ранила и прошла канвой по всей

жизни Клары. Хоть и глубоко спрятанной тайной, но так или иначе оказавшей влияние на всю её женскую судьбу.

В самом начале двадцатых годов большую учительскую династию, состоящую из трёх сестёр – учительниц с семьями, вселили в дом раскулаченного батюшки. Дом был деревянный, с красивыми кружевными наличниками. Просторный и тёплый. Каждая из сестёр с детьми занимали по комнате, и с ними же жили их родители. О дальнейшей судьбе батюшки сестры ничего не знали и, радуясь появлению собственного жилья, так и зажили под общей крышей одной дружной семьёй. А дети их считали себя не кузинами, а самыми настоящими родными братьями и сёстрами. Ведь всех их разом кормили то в одной, то в другой комнате. Бабushка рассказывала сразу всем одну и ту же сказку. И любой из взрослых мог отстегать прутом по босым ногам за чрезмерную шалость. Двор просторный – для совместных игр, огород – для совместной работы. Всё общее, всё в радость.

Однажды две тётки в свободную минутку сидели на высоком, отполированном шагами крыльце, наблюдая за игрой ватаги детей и племянников, и рассуждали:

– Смотри-ка, Верочка становится красивой, вся в мать.

– Да, вот-вот сравняется с ней ростом.

– А Милочка такая музыкальная, вчера романс повторила без единой ошибки.

– Что же Кларочка такая худышка?

– Кожа прямо прозрачная, синюшная. Синичка, да и только!

Вот эти-то слова и услышала Клара. И прозвище «Синица» так и приклеилось к ней на долгие годы. Родной брат дразнился не обидно, как-то покровительственно. Но вот соседские мальчишки, как ей казалось, вкладывали в него всё своё пренебрежение. На свою маму, всегда занятую работой, жгучую красавицу-брюнетку она не была похожа внешне. Кларины каштановые густые, чуть выющиеся волосы, сколько она

помнила, всегда туго заплетали в две длинные, ниже пояса, косы. И она сама для себя тоже решила, что это неприлично – быть рыжей. Именно поэтому волосы убираются в косы. С мамой она о таких глупостях говорить не решалась, и всё шло, как шло.

Вот уже с отличием окончено педагогическое училище. Вот получено назначение на работу в крошечное селение со смешным названием Подвальная Грива. Шестнадцатилетняя робкая девушка назначена директором и одновременно единственным учителем в школу. Учить предстояло все детские классы днём, а по вечерам обучать грамоте взрослых.

Жить определили здесь же, в здании школы, в отдельной крошечной комнатке. Сельчане как-то сразу полюбили юную «учителку». Кто как мог, опекал, но ближе всех стала украинка Наталья Ефимовна. Как она попала в эту сибирскую глухомань – неизвестно. И говор отличался от сибирского, как ручеек журчал словами ласковыми. И внешне была белолицей, чернобровой, дородной хохлушкой. Почему сблизилась, непонятно, может, открылось её сердцу, как боится Клара, как синичка, хохлится на ветру, но упрямо не сдаётся холодным ветрам?

Жила Наталья одиноко с сыном Василием, красивым, высоким, синеглазым юношей. Девчата местные все по нему сохли. Но он всё по вечерам в школе засиживался. Книжки читал да Клару пытал – объясни, мол, не всё понятно. Однажды довелось ему одному стать свидетелем глупой выходки девушки. Получив первую в своей жизни зарплату, купила она килограмм халвы. Очень любила, но в большой семье больше крошечного кусочка ей не доставалось. А тут целый килограмм! И ей одной! Всю разом и съела. Ох, и плохо же ей было, на всю жизнь от этого лакомства отворотило. Хорошо, Василий в ту пору в школу зашёл, чаем отпаивал, да и потом секрета деревне не выдал. Сдружились за суровую морозную зиму молодые люди. Полюбили

друг друга. А на майские праздники, когда нежной зеленью подёрнулись ветви старой берёзы у школьного крылечка, пришли свататься – Наталья Ефимовна с Васей и ещё серьёзные, уважаемые в деревушке люди.

Как только Клара сообразила, к чему эта солидная делегация, разрыдалась! Как она, дурнушка рыжая, может портить жизнь такому красавцу? Он, любимый, должен быть счастлив безоговорочно! В этой жизни ему должна быть уготовлена красавица под стать его красе! Во всех книгах об этом давно написано. И отказала своему счастью.

Через две недели уехала к матери на лето в отпуск, каникулы в школе начались. Страдала молча, ни с кем не поделилась своею болью. И ничьего мудрого женского совета не услышала. А когда к началу учебного года вернулась в Подвальную Гриву, с трепетом и замиранием сердца, всё было кончено. Василий уехал навсегда куда-то на далёкую комсомольскую стройку, в отчаянной попытке забыть свою несложившуюся любовь.

Больше их жизнь не свела. А Клара ещё многие годы ловила на себе печальный и укоряющий взгляд Натальи Ефимовны, которая, вопреки событиям, не перестала быть её другом, но сына больше не видела. И внучат своих никогда не нянчила.

2

Радостное событие в школе крошечной сибирской деревушки Подвальная Грива отмечали всем миром. Это касалось всех жителей, ведь выпускной вечер для двенадцати учеников седьмого класса был первым столь многочисленным в истории школы. И первым в жизни их учительницы Клары Васильевны. Конечно, были и раньше ребята, оканчивающие семилетку, но так, чтоб с первого класса и до последнего, – это точно было пока самое главное событие в её жизни. Поэтому она сегодня не заплела свои богатые, насыщенно-каштановые волосы в привычную косу, а сделала взрослую

причёску. Собрала вьющиеся пряди в высокий пучок на затылке. Украсила его синими полевыми цветочками и надела лучшее своё «выходное» платье. Крепдешинное, нежно-голубое, как небо весеннее, в лёгкую синюю крапину. Отражению своему в зеркале чуть улыбнулась красиво очерченными полными губами – пора!

Хорошо подготовленные дети читали стихи, пели песни, разыграли простые сцены из придуманного ими же спектакля на злобу дня, и всё это приносило радость и удовольствие не только им самим, их разволновавшейся «учителке», но и всем собравшимся жителям деревушки. После вразнобой говорили сердечные речи, в складчину пили чай (и не только), лихо танцевали под гармошку кадрили, левую-правую, вальсы прямо на поляне, покрытой молодой ярко-зелёной травой. Шум да веселье на поляне перед школой привлекли приехавших на лесозаготовку из дальних колхозов парней да мужиков. И все они почему-то окружили вниманием Клару. Говорили неумелые, грубоватые комплименты, бросали томные, жгучие взгляды, явно пытались умничать. И от всего этого чувствовала она себя то Наташей Ростовской на своём первом балу, то Ассоль у подплывающего парусника. Но точно знала, что всего-то и есть бедная Золушка, и волшебство этого вечера завтра непременно обернётся тыквой да мышами.

Но Клара ошиблась. Смелый, озорной, чернявый Сашка, который отличился более других на выпускном: и на гармошке играл, и плясал с коленцами, и частушки солоноватые пел так, что зарделись щёки у многих молодок, а бабы постарше заблестели глазами, – вот он-то на другой день вечером после работы и постучал в окно Клариной девичьей светёлки. Книжку почитать попросил, о себе стал рассказывать. Да так и зачастил книжки менять. Вскоре Клара знала многое и о нём, и о его большой семье из семи братьев и двух сестёр. И о чудесном колхозе, где жизнь бьёт ключом и становится лучше,

богаче с каждым годом. О его родителях, отце-фронтовике и маме, одной вытянувшей в войну всю ораву.

И в этот раз ей даже в голову не приходило сравнивать, кто из них красивее. Однозначно чернявость для неё означала вершину возможной красоты! Ведь её любимая, уважаемая мама, бесспорно, красавица, как говорили все, была брюнетка.

Сашка, весьма опытный в отношениях меж полами, стремительно развивал отношения. Его удивляло, что столь взрослая, привлекательная, почитаемая деревней девушка – Учительница! – до смешного невинна. Она жарко краснела от слов, в общем, ерундовых. Трепетала от совсем не случайных, а подстроенных им нарочно соприкосновений плечами, руками. И когда он наконец осмелился и поцеловал, оказалось, что это её первый, неумелый поцелуй. Оставалось немедленно жениться!

Клара была влюблена и многого просто не замечала. Наконец-то в двадцать три года она почувствовала себя желанной и, уж если не стопроцентной красавицей, то весьма прехорошенькой. А образование Сашки в четыре класса и жизнь в колхозе делали его поведение очень своеобразным. В образ книжного рыцаря на белом коне он не вписывался, но работал на железном коне-тракторе. А это было весьма уважаемо, и уж такая барышня, как Клара, и в этом смогла найти романтику.

Вскоре всё сопротивление напористым парнем было сломлено, и он осуществил-таки свою мечту – женился на учительнице. В школе шли каникулы, и после скромного свадебного вечера увёз Сашка Клару в свой колхоз. И все колхозные парни лопались от зависти, провожая из клуба своих деревенских девчат – доярок, поярок, телятниц...

Семья Сашки тоже была очень довольна его женой, относилась с трепетным уважением к ней: городская, образованная. Но жить в колхозе она всё равно не смогла. Иной, непривычный уклад, полный дом

молодых парней – братьев мужа. Кровать молодых в ряд с другими, даже не отгороженная шторкой, – всё это пугало скромную учительницу. И очень быстро ей вслед стало звучать: «городская!», но была в этом ехидная нотка, будто бы «недотёпа» слышалось Кларе.

Свекровь Екатерина Семёновна, шустрая маленькая женщина, всю войну тянувшая в одиночку шестерых пацанов, работу в колхозе и домашние дела, была далека от сантиментов. Все эти сенокосы, дровозаготовки и слёзы по считавшемуся пропавшим без вести в 1943 году мужу рано её состарили, сделали жёсткой. Грамоте не обучена, вместо росписи за трудодни ставила крестик, но знала на память огромное количество молитв и заговоров. И к ней за помощью постоянно обращался деревенский люд. Она терпеливо учила сноху всем премудростям деревенского быта: доить коров, стричь овец, полоскать рубахи прямо в речке. Стоять на стогу сена, принимая и утаптывая высухшую душистую траву особым порядком, что называлось громким словом «вершить».

Металась молодая, старалась изо всех сил. И всё было бы хорошо, но в этой семье порицалось чтение, считалось высшим проявлением безделья. Едва взяв в руки книжку в освободившуюся минутку, тут же слышала теперь явно осуждающее – «городская!». Один только свёкор, вернувшийся с войны пережившим унижение плена и osobистской проверки, одним суровым взглядом прекращал недовольные реплики домочадцев.

Фрол Никитич свёкром был добродушным. Могучий сибиряк вообще покровительственно относился ко всему, что его окружало. И к жене своей, и к детям, и к скотине во дворе. Сыновей приучал к работе честной, до изнеможения. И, видя старания снохи, уважая её грамотность, на очередную бытовую промашку тоже тихо хмыкал в усы – «городская».

Об этих своих переживаниях Клара в короткие наезды к своей матери снова молчала. И тут не было мудрого женского совета. Когда же услышала решение горно продолжить работу в школе Подвальной Гривы, даже испытала облегчение. И к первому сентября сложила нехитрые вещички в крошечный картонный чемоданчик и уехала из колхоза к привычной и уже полюбившейся жизни.

Настырный Сашка с помощью отца, конечно, добился разрешения председателя выйти из хозяйства и приехал к ней. Зажили сначала хорошо. Но Клара к старому комплексу о красоте добавила новый – «городская неумеха». Стала доказывать сама себе, что с хозяйством и бытом может справиться сама. Завела курочек, гусей, поросёнка, но всё равно разница воспитания всё чаще давала о себе знать. И если чтение книг пока ещё молча осуждалось мужем, то желание помогать всем ученикам деревни встречало полное непонимание. И пока Клара терпеливо вдалбливала очередному двоечнику после уроков теоремы, Сашка стал вечера эти проводить в приятных ему компаниях с гармошкой, выпивкой и плясками.

Сначала не слушала деревенское сарафанное радио, вещавшее о похождениях супруга. Отмахивалась – не выдумывайте! Тем более через год, в августе, родила дочку, в заботах не до ерунды этой было. Новый учебный год начинался, берёза у школьного крылечка осыпала золотом изножье. По хозяйству вызвалась помогать Наталья Ефимовна, премудростям ухода за младенцами обучила. И раз жили при школе, то молодая мама успевала на переменках покормить малышку грудью. Сашкины выходки принимала спокойно и даже покорно, во многих книжках о таком писалось, и, значит, идёт правильно. Ей ли красавцу-мужу указывать! Увидеть в зеркале молодую, хорошо сложенную, с одухотворёнными голубыми глазами женщину комплексы так и не позволили.

Случайная фраза взрослой тётушки поселилась в её подсознании, видимо, навсегда: «Синица, одно слово!»

Так и прошла жизнь. Родила ещё сына. Всю жизнь работала в школе. И до самого совершеннолетия сына терпела пьяные куражи мужа, теперь легко и постоянно перераставшие в оскорбления и грубость в её адрес. Казалось, её нежелание браниться, наоборот, вызывало в нём ещё большую ярость. Измены стали слишком очевидны, время пришло другое, и вызрело в Кларе решение о разводе. Видимо, нить натяжения терпения пережила запас прочности и оборвалась.

Вернулась к своей матери, теперь старенькой и немощной, и стала ухаживать за ней. Дети жили своими семьями в далёком городе. И совсем не вспоминала о том, что в книжных историях любовь всегда побеждала. Но точно знала, что настоящая любовь окрыляет и уж никак не может быть разрушающей. И раз с ней не так, то нечего и ждать, вся любовь, видно, досталась красавицам.

3

Шли годы. Шли в работе в школе, заботах о своих детях, о старенькой больной матери, а потом и о внуках. И незаметно довели Клару до того возраста, что в народе зовётся пенсией. В стране действовал жёсткий закон выбора – либо работа, либо её величество пенсия! И вот теперь, когда всепоглощающей любимой учительской работы больше не было, Клара стала обладательницей несметного богатства, имя которому – свободное время!

Жила одна, оплакав, отгоревав после похорон матери, выучилась играть на пианино. Это было семейной мечтой, в своё время и её мама купила инструмент после выхода на пенсию. И музицировала, и пела романсы и другие правильные песни. Клара стала посещать различные мероприятия, организовала хор ветеранов вместе

с приятельницами – не сдающимися возрасту учительницами. Запас любви и нежности, отпущенный небом, оказался не израсходован и щедро раздавался окружающим. Любой, кто мало-мальски нуждался в поддержке, пользовался её гостеприимством, умением выслушать и желанием отдать последнее. Этого «последнего» было и так очень мало. Шли очередные трудные для страны годы – 90-е. Почти аскетично, без накоплений и женских милых штучек – духов, колечек – была прожита жизнь. Учительская династия, уже в третьем поколении, явно успешно боролась с «мещанскими проявлениями». Значок депутата да медаль «Заслуженный учитель» печально томились в соломенной шкатулочке, перешедшей к ней от матери с одной брошью. Брошка в виде двух янтарных листочков с бусиной, ягодой красного цвета, была с поломанной застёжкой, да так и коротала свой долгий век в темноте шкатулки. Бывшие ученики, давние выпускники детского дома, освободившиеся из мест заключения, одинокие старухи постоянно тянулись к Кларе и, конечно, получали помощь: ночлег, стакан чая, какую-никакую одежду.

Вот в такое время и свела её судьба, видимо, от души пожалев, со вдовцом. В растерявшемся и потерявшемся от одиночества человеке разглядела мятущуюся родственную душу. Поддерживала словом, поила чаем со смородиновым вареньем, оставшимся с прошлого года. Ожил вдовец. Перестал горе «горькой» заливать и даже о будущем стал загадывать. Были они уже хорошими друзьями, и многое одинаково обоим нравилось: и музыка, и книги одни и те же, и песни молодости вместе пели. Оба из атеистов Советского Союза самостоятельно к вере в Бога пришли. Словом, легко и приятно общались, еженедельно

встречаясь. И о каких-то иных отношениях, которые всё же случаются между мужчиной и женщиной в любом возрасте, Клара просто уже не помнила.

Всё испортил сам вдовец. Пришёл зачем-то нарядный, подстриженный и благоухающий «Шипром». И заговорил о том, что проще и лучше бы жить вместе. Вместе легче, и про знаменитый «стакан воды в старости» вспомнил. О том, что он уже оправился от горя, смерти жены, и о том, что это именно она, Клара, помогла ему. Слушала сначала рассеянно, привычно собирая на стол снедь, расставляя чайные чашки, и наконец дошло до сознания – сватается, что ли?!

Но это уже было в её жизни. И ничего хорошего, кроме боли душевной и терзаний, не принесло. Конечно, дорог человек, но слишком много чувств перемешалось в неискущённом сердце. Взяла день на «подумать». Думала, всё взвешивала, советовалась со взрослой дочерью. И хоть дочь сказала: «Мама, конечно, выходи замуж! Поживи хоть сейчас для себя, радостно». Услышать-то её Клара услышала, но опять вылезла противная фраза: «Ничего-то не выйдет. Синица, да и только!»

Так и решила – жизнь менять не будет. Кто внуков голубить станет? Какому дяде чужие дети нужны? Отказала. И дружба с ним прекратилась в одночасье. И женился вскоре он на красивой, молодящейся, бойкой женщине. И опять приняла как данность. И снова комплексы не позволили ей увидеть в зеркале красивую, статную женщину с чуть вьющимися, но уже далеко не каштановыми волосами. С милыми лучиками морщинок у добрых и всё ещё голубых глаз. Всю жизнь бескорыстно дарящую свет знаний, тепло доброго сердца другим, но так и не сумевшую принять земного, Богом подаренного дара любви.